
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ: ТЕОРИИ И ТЕХНОЛОГИИ

**Материалы «Круглого стола» сотрудников и аспирантов
Российского государственного гуманитарного университета
и Российского университета дружбы народов***

Кафедра теоретической и прикладной политологии
Российский государственный гуманитарный университет
Миусская площадь, 6, Москва, Россия, 125993, ГСП-3

Кафедра сравнительной политологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

10 апреля 2013 г. на базе факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета был проведен «круглый стол» на тему «Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций: теории и технологии». Заседание «круглого стола» было подготовлено кафедрой теоретической и прикладной политологии РГГУ и кафедрой сравнительной политологии РУДН.

Ключевые слова: политическое проектирование, политическая теория, политические технологии, социальные коммуникации.

ВЫСТУПЛЕНИЯ ДОКЛАДЧИКОВ

М.Н. Грачев

«Политическое проектирование» и «политический проект»: концептуализация понятий

Развитие политического проектирования как специализированной отрасли политологии, имеющей не только теоретическую, но и очевидную прикладную направленность, обуславливает необходимость максимально точного и правильного

* Круглый стол проведен в рамках работы по проекту «Политическое проектирование в условиях инновационной России: теория, методология, методики» (Программа стратегического развития РГГУ на 2012–2016 гг., проект 2.1.1).

применения специальной терминологии, без которого невозможно достичь взаимопонимания и эффективного взаимодействия исследователей и экспертов, занятых в данной сфере. Однако, как показывает анализ пока еще немногочисленных публикаций по указанной проблематике, понятийный аппарат соответствующей области политической науки пока не отличается логической стройностью, однозначным и строгим толкованием используемых терминов. Это касается прежде всего ключевых понятий «политическое проектирование» и «политический проект».

Согласно известному определению, предложенному К.В. Симоновым, «политическое проектирование — составление научно обоснованных суждений о возможных глобальных, базисных и принципиальных для тех или иных политических систем качественных изменениях, приводящих к существенным политическим трансформациям и занимающих значительный период времени» [26. С. 150].

Однако, на наш взгляд, данное определение соотносится не столько с проектированием, сколько с прогнозированием, под которым понимается вероятностное предсказание, научное предвидение, касающееся перспектив развития какого-либо процесса или явления. В отличие от прогнозирования проектирование предполагает не только «суждение о возможных изменениях», но и достижение конкретных результатов, предполагающее определенную последовательность действий. Иначе говоря, проектирование основывается на прогнозировании, но ни коим образом не сводимо к нему.

В соответствии с пунктом 4.7 «Рекомендаций по основным принципам и методам стандартизации терминологии. РМГ 19—96» термины для новых понятий должны создаваться на базе уже существующих терминов [22]. Поэтому для определения объема понятий, связанных с областью политического проектирования, представляется вполне очевидным обратиться к существующим трактовкам более общих понятий «проектирование» и «проект».

Достаточно краткое и в то же время универсальное определение первого из указанных понятий приводится в Большой советской энциклопедии: «Проектирование (от лат. *projectus*, буквально — брошенный вперед), процесс создания проекта — прототипа, прообраза предполагаемого или возможного объекта, состояния» [20].

Важно отметить, что данное определение ограничивает «проектирование» только разработкой проекта и не включает в себя стадию его реализации, исполнения, внедрения. Таким образом, любое проектирование представляет собой особый вид деятельности людей, результатом которой является некий конечный продукт, называемый «проектом». Следовательно, политическое проектирование можно определить как деятельность одного или нескольких индивидов либо организаций по созданию, разработке политических проектов. Однако такое определение требует уточнить, что следует понимать под «политическим проектом».

Понятие «проект» обычно употребляется в трех значениях: во-первых, как совокупность документов (расчетов, чертежей и др.) для создания какого-либо сооружения или изделия; во-вторых, как предварительный текст какого-либо документа; в-третьих, как замысел, план [19].

Очевидно, что каждое из этих значений может быть конкретизировано в контексте политического проектирования. Например, в первом случае речь может ид-

ти о проекте создания в системе органов исполнительной власти нового министерства или ведомства; во втором — о проекте законодательного акта, управленческого решения, партийной программы; в третьем — о проекте реформы избирательной системы. Однако в каждом из указанных случаев «проект» понимается в качестве решения некоторой задачи по созданию еще не существующего объекта или достижения еще не существующего состояния, ограниченной определенными исходными данными и заданными результатами или целями, которые обуславливают способ ее решения.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что применительно к конкретной деятельности, определяемой в качестве «проектирования», указанные значения понятия «проект» становятся практически тождественными: с одной стороны, наличие замысла или плана предполагает и предопределяет его документальное оформление, тогда как с другой — предварительный текст какого-либо политического документа всегда связан с последующей реализацией каких-либо конкретных планов, замыслов, решений.

Таким образом, политический проект представляет собой документ или совокупность документов по созданию новых либо изменению уже существующих объектов в политической сфере и/или связей, отношений между ними в соответствии с поставленными политическими целями.

Представляется возможным предложить следующие основания для классификации политических проектов.

Во-первых, в зависимости от субъектов, выступающих потребителями или заказчиками результатов проектных разработок, можно различать государственные и партийные проекты, а также проекты органов местного самоуправления, избирательных объединений и иных политических акторов. Эти проекты могут быть связаны с выработкой предварительных текстов различных документов, решений, программ действий и т.д. Во-вторых, в зависимости от масштабов можно выделить проекты муниципальные (местные), региональные (на уровне одной или нескольких крупных административных единиц — субъектов федерации, штатов, земель и т.д.), общенациональные (общегосударственные), межгосударственные, глобальные.

Кроме того, в зависимости от сущностных характеристик представляется возможным также разграничить институциональные, процессуальные и технологические проекты. В частности, примерами институциональных проектов являются проекты реформирования институтов публичной власти или изменения партийной структуры, примером процессуального проекта — план подготовки и проведения избирательной кампании политической партии или независимого кандидата, примером технологического проекта — проект корректировки политического имиджа. Конечно, последняя классификация весьма условна, поскольку в случае каждого конкретного проекта следует говорить скорее о преобладании какой-либо одной из трех указанных составляющих, однако она представляется достаточно продуктивной, так как дает возможность связать политическое проектирование с областью исследований научной специальности 23.00.02 — «Политические институты, процессы и технологии».

Ю.В. Ирхин
**Мегатенденции как ориентиры в долгосрочном
политическом проектировании**

Долгосрочное политическое проектирование должно основываться как на поисковом, так и на нормативном прогнозировании. Поисковое прогнозирование определяет возможное или ожидаемое состояние какого-либо явления или объекта политической сферы при условии продолжения в будущее тенденций динамики изменения соответствующего явления или объекта.

Нормативное прогнозирование определяет пути и сроки достижения возможного состояния явления или объекта, принимаемого в качестве цели. При этом изучается политическая ситуация в настоящем, выбирается ее желательное состояние в будущем и строится последовательность событий, которые могли бы обеспечить это состояние с учетом заранее заданных ограничений, имеющих как нормативный, так и ресурсный характер. Сочетание нормативного и поискового прогнозирования на длительную перспективу, предполагающее анализ динамики политических процессов и явлений с позиций современной глобалистики и с учетом долговременного факторов культурно-цивилизационного порядка, находит свое отражение в разработке мегатенденций общественно-политического развития.

Первые масштабные разработки подобного плана и проекты трендов на конец XX — начало XXI в. были представлены в известных трудах Дж. Нэйсбита и П. Абурдин [см.: 16; 41; 42]. Большая часть прогнозируемых ими трендов подтвердилась [9. С. 60—74]. Среди более поздних разработок следует выделить получивший широкую известность доклад «Контуры мирового будущего», подготовленный Национальным разведывательным советом США при участии более тысячи зарубежных ученых, в котором выделены мегатенденции мирового развития до 2020 г. [12].

В данном исследовании уточнены некоторые предшествующие тренды и выдвинуты новые идеи, представляющие интерес в плане долгосрочного политического проектирования. Однако следует отметить, что в указанном докладе оказался упущенным вопрос о возможных мировых финансово-экономических кризисах и их разнообразных последствиях, в том числе и для России.

Российские исследователи также предложили ряд долгосрочных социально-политических проектов, основанных на стратегических глобальных прогнозах на период до 2020 и даже до 2030 г. В них рассмотрены мегатренды с учетом роли Российской Федерации. Прежде всего, речь идет об опубликованных в 2008—2012 гг. официальной программе «Россия 2020» [23], проекте ИНСОП «Россия XXI века: образ желаемого завтра» [24], стратегической концепции «Инновационная Россия — 2020», разработанной ГУ ВШЭ и РАНХ и ГС [8], комплексных исследованиях «Россия и мир. Новая эпоха: 12 лет, которые могут все изменить» под руководством С.А. Караганова [25] и «Стратегический глобальный прогноз 2030» под руководством А.А. Дынкина [27].

Учитывая опыт создания предыдущих трендов глобального развития, можно обозначить ряд формирующихся или проявляющихся актуальных мегатенденций

общественного развития на ближайшее десятилетие, желательных для учета в долгосрочном политическом проектировании.

Среди них: перестройка мирового управления в цивилизационно-сопряженной картине мира и развитие России как цивилизации со своими особенностями развития и национальными интересами; развитие интегрированных мобильных коммуникаций с обратной связью и сетевыми технологиями (система электронного правительства, бизнеса, гражданского общества, муниципалитетов, всех граждан); постдемократия, как усиление корпоративных структур, широко использующих информационные средства воздействия и развитие элементов прямой демократии; борьба за лидерство в освоении возможностей «шестого технологического уклада» и др.

Эти мегатренды целесообразно учитывать при дальнейшей разработке и оптимизации политических проектов на основе программы «Россия 2020» и стратегической концепции «Инновационная Россия — 2020».

Конечной целью каждого такого проекта, как представляется, должно выступать построение процветающего общества со средним уровнем доходов населения, примерно равным данному показателю в государствах Европейского Союза. В принципе эта задача достижима при условии успешной модернизации страны и высоких темпов экономического роста.

Учет мегатенденций помогает отчетливо представить работу всемирных и национально-государственных механизмов развития, обосновывать образ проектируемого будущего, опираясь на долгосрочное поисковое и нормативное прогнозирование. Особенностью долгосрочных проектов для России является необходимость учета того обстоятельства, что стране придется одновременно решать задачи как реиндустриализации, так и постиндустриальной модернизации. Среди этих задач следует, прежде всего, выделить построение инновационного общества и формирование мотивации к инновационному поведению; развитие современных рыночных институтов и конкурентоспособной среды; радикальное повышение эффективности экономики; создание ориентированной на потребителя системы государственного и муниципального управления на базе современных информационно-коммуникационных технологий («электронное управление»). В создании новой социально-политической инфраструктуры актуален учет таких долговременных ориентиров, как институты, инвестиции, инновации, качество человеческого потенциала. Существенным в этой связи является осознание России в качестве уникальной мировой цивилизации, реализация ее современной геополитической стратегии, имеющей евразийские ориентиры, а также курс на повышение ее конкурентоспособности.

Н.А. Борисов

**Проектирование политических институтов
на постсоветском пространстве: методика анализа**

По прошествии более чем двадцати лет с момента распада СССР и начавшейся тогда же дивергенции политических режимов государств постсоветского зарубежья представляется, что проблемы политической институционализации и кон-

солидации, а следовательно, стабильности и управляемости в постсоветских государствах всегда были актуальными в значительно большей степени, чем интерпретация действительности в рамках бинарной оппозиции «демократия — авторитаризм».

Политическая институционализация понимается прежде всего как рационализация политических институтов — устойчивых, значимых и воспроизводящихся форм поведения. Иными словами, институционализация выражает степень того, в какой мере политический институт обладает автономией от некоторой общественной группы (семьи, клана, класса) или отдельной личности [31. С. 39].

Мы исходим из гипотезы о том, что ключевым институтом, определяющим трансформацию политических режимов государств постсоветского зарубежья, основания их консолидации и устойчивости, является институт президентства. Анализ проектирования института президентства политическими элитами и его реального «наполнения» может способствовать не только концептуализации политических процессов на постсоветском пространстве, но и повышению достоверности прогнозов относительно стабильности политических режимов.

Предлагаемая нами методика исследования основана на индексе государственности и индексе институциональных основ демократии, разработанных авторами проекта «Политический атлас современности» [17. С. 67—225], а также авторском варианте индекса институционализации института президентства.

Совмещая индекс государственности и индекс институциональных основ демократии, мы получаем координатную типологию политических режимов на постсоветском пространстве, на основе которой довольно четко выделяются *три кластера* политических режимов:

1) политические режимы с высоким индексом государственности, но относительно низким индексом институциональных основ демократии (Туркменистан, Узбекистан, Беларусь, Казахстан);

2) политические режимы с низким индексом государственности и низким индексом институциональных основ демократии (Таджикистан, Грузия, Кыргызстан);

3) политические режимы с низким индексом государственности и относительно высоким индексом институциональных основ демократии (Украина, Молдова, Армения).

Обратим внимание на то, что в первый кластер входят государства с устойчивыми автократиями, во второй — с неустойчивыми автократиями, в третий — с нестабильными демократиями (в минималистской трактовке). Четвертый кластер — консолидированные демократии — пока остается «пустым».

Относительно высокий индекс государственности способствует консолидации политического режима. Средством компенсации дефицита государственности оказывается, как правило, автократическая консолидация.

Еще одним измерением степени устойчивости и консолидации политических режимов является политическая институционализация, в частности, институционализация института президента. Задача состоит в том, чтобы выяснить, в какой степени этот институт рационализирован, то есть отделен от личности конкретного президента.

На наш взгляд, можно предложить несколько критериев институционализации института президентства на постсоветском пространстве. Каждый из критериев можно оценить определенным числом баллов по шкале от 0 (слабая институционализация) до 5 (высокая институционализация).

1. Количество случаев изменения Конституции, затрагивающих полномочия главы государства (показывает, насколько часто менялись формальные рамки деятельности президентов и насколько стабильным был институт президентства в правовом отношении):

- более 4 раз — 0 баллов;
- от 3 до 4 раз — 1 балл;
- от 1 до 2 раз — 2 балла.

2. Наличие политических партий как институциональной основы президентской власти (показывает, удалось ли главе государства создать политическую партию и обеспечить ее доминирование в парламенте):

- у президента нет институциональной опоры в виде политической партии (сложилась конкурентная партийная система с наличием оппозиционных политических партий либо апартийная система) — 0 баллов;
- президентская партия есть, но она не стала доминирующей — 1 балл;
- партийная система с наличием доминирующей партии как институциональной опоры президента — 2 балла.

3. Членство президента в политической партии (показывает, насколько глава государства готов формализовать свое руководство важнейшим политическим институтом):

- президент не является ни лидером, ни членом политической партии — 0 баллов;
- президент является лидером, но не членом политической партии — 1 балл;
- президент является и лидером, и членом политической партии — 2 балла.

4. Официальный статус президента как главы государства и (или) исполнительной власти (показывает, в какой степени формализован статус президента как главы исполнительной власти или правительства):

- президент является главой государства, но не является главой исполнительной власти — 0 баллов;
- президент является главой государства и главой исполнительной власти, но не возглавляет правительство — 1 балл;
- президент является главой государства, главой исполнительной власти и возглавляет правительство — 2 балла.

5. Реализация президентского права роспуска парламента (указывает на соблюдение Конституции в отношении роспуска парламента):

- роспуск парламента президентом применялся с нарушением Конституции — 0 баллов;
- роспуск парламента президентом не применялся или применялся в рамках Конституции — 1 балл.

6. Осуществление процедуры передачи президентской власти в период после принятия первой постсоветской Конституции (указывает на соответствие передачи президентской власти конституционным нормам):

- с нарушениями Конституции — 0 баллов;
- без нарушений, но с помощью изменения Конституции — 1 балл;
- без изменения и без нарушения Конституции — 2 балла.

7. Способ передачи президентской власти в период после принятия первой постсоветской Конституции:

- президент ни разу не сменялся, его полномочия продлевались путем неконкурентных выборов или референдумов — 0 баллов;
- уходящий с поста президент определял преемника, и тот побеждал на выборах — 1 балл;
- президент сменялся путем переворотов при последующей формальной легитимации через выборы — 2 балла;
- проводились выборы, на которых побеждал инкумбент (при этом полномочия президента ни разу не продлевались путем референдума) — 3 балла;
- в результате выборов победил альтернативный действующему президенту кандидат (за исключением победы преемника) — 4 балла.

Таким образом, по предложенной шкале институционализация института президента может находиться в интервале от 0 (низкая) до 15 баллов (высокая). Оценивая указанный индекс и сопоставляя его с индексом институциональных основ демократии, вновь получаем четыре типа политических режимов:

1) политические режимы с низкой институционализацией института президентства и низким уровнем институциональных основ демократии (Грузия, Беларусь, Кыргызстан, Узбекистан);

2) политические режимы с высоким уровнем институционализации института президентства и низким уровнем институциональных основ демократии (Туркменистан, Таджикистан, Казахстан, Азербайджан);

3) политические режимы с высоким уровнем институционализации института президентства и высоким уровнем институциональных основ демократии (Молдова, Армения, Украина);

4) политические режимы с низким уровнем институционализации института президентства и высоким уровнем институциональных основ демократии (пустой кластер).

В первом кластере оказались как консолидированные (Беларусь и Узбекистан), так и неконсолидированные (Грузия и Кыргызстан) автократии, во втором — только консолидированные автократии, в третьем — неконсолидированные демократии. Примечательно, что третий кластер полностью совпадает с третьим кластером в предыдущей классификации. Это свидетельствует о том, что Украина, Молдова и Армения действительно представляют собой класс постсоветских политических режимов с наилучшими возможностями для консолидации демократического режима.

Наиболее стабильными представляются режимы, оказавшиеся во втором кластере. Это те государства, в которых состоялась авторитарная консолидация политических режимов. Политические режимы, оказавшиеся в первом кластере, представляются самими проблемными в силу аинституциональности института президента. Четвертый кластер казался пустым.

Таким образом, предложенный анализ институционализации института президентства в странах постсоветского зарубежья представляется весьма продуктивным. Указанный индекс тесно коррелирует с индексом государственности и дает возможность выделить устойчивые кластеры, с помощью которых можно типологизировать постсоветские политические режимы. Важной является гипотеза о том, что институт президентства является существенным фактором не только консолидации, но и долгосрочной стабильности политического режима. С этой точки зрения наиболее устойчивыми окажутся политические режимы Туркменистана, Таджикистана, Казахстана, Азербайджана, с одной стороны, и Молдовы, Армении, Украины, с другой. Конечно, этот тезис требует дополнительной проверки.

С.И. Бойко

Государственное проектирование партийной системы как составная часть политических инноваций в современной России

Россия находится в состоянии перехода от советской однопартийной политической системы к государственному устройству со сформированной и относительно устойчивой многопартийной системой, соответствующей основным признакам демократии. Поэтому перманентные политические инновации логичны и неизбежны. Вопрос — в понимании и анализе целей предлагаемых политических проектов.

Демократия как таковая не может быть самоцелью. Демократия — это процедуры, инструменты, принципы разделения ветвей легитимной власти для решения задач обеспечения эффективности государственного управления социально-политическими и экономическими процессами. Целью политического проектирования может стать социальная и политическая стабильность, устойчивое и конкурентоспособное развитие экономики, рост комфортности условий жизни на территории государства.

Политическая трансформация началась с отмены монополии КПСС, и ряд политологов считают именно данное обстоятельство одним из факторов краха СССР. КПСС была «ядром» политической системы, с распадом которого «молекула»-государство прекратила свое существование. Новые политические партии, объединения и движения проектировались и создавались с целью участия в избирательных кампаниях. В декабре 1993 г. в выборах депутатов Государственной Думы I созыва, проводившихся по смешанной системе, участвовали 13 политических объединений и партий. По итогам выборов в Государственной Думе были сформированы 8 фракций и 4 депутатские группы, состав которых был неустойчивым. В целом в депутатском корпусе преобладали антипрезидентские и антиправительственные настроения. Конфронтационное положение между законодательной и исполнительной властью сохранялось вплоть до конца 1999 г., текущие вопросы социаль-

но-экономической политики, требовавшие законодательного оформления, утверждались указами президента или решениями правительства.

С политической осени 1999 г. началась активизация участия структур исполнительной власти в проектировании и формировании политических объединений, участвовавших в избирательных кампаниях. Прежде всего, это межрегиональное движение «Единство» и первоначально противостоявшее ему избирательное объединение «Отечество — вся Россия».

Однако после выборов в Государственную Думу III созыва эти политические структуры объединились в рамках внутрипарламентской коалиции, что положило начало разработке и реализации проекта всероссийской политической партии «Единая Россия», обеспечившей в Государственной Думе с 2001 г. существование устойчивого проправительственного большинства. Несмотря на наличие шести фракций и двух депутатских групп, а также сохранение в соответствии с пакетным соглашением поста председателя Государственной Думы за представителем КПРФ Г.Н. Селезневым, коммунисты утратили контроль над прохождением законопроектов, что составляло для исполнительной власти серьезную проблему во время президентства Б.Н. Ельцина.

Однако реализация проекта «Единой России» привела к тому, что классическая схема разделения властей, когда победившая на выборах партия или коалиция партий формирует правительство и иерархию исполнительной власти, в России не работает. Сложилась обратная практика — исполнительная власть практически открыто контролирует процесс формирования федеральных и региональных органов законодательной (представительной) власти.

Конечно, при этом в России существуют политические партии, созданные «снизу», в результате гражданских инициатив, — такой, например, является Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО», — но их политическая история и практика только подтверждают превалирующий тренд партийного строительства, сложившийся в 1999—2001 гг.

Депутаты Государственной Думы IV созыва избирались в 2003 г. по смешанной избирательной системе: половина — по одномандатным округам, половина — по партийным спискам. После изменения избирательного законодательства выборы депутатов Государственной Думы V созыва в 2007 г. осуществлялись только по партийным спискам. В результате сформировалась партийная система из 7—8 зарегистрированных политических партий и достаточно активных внепарламентских оппозиционных организаций и движений, не являвшихся партиями. Складывалось впечатление, что идет постепенная стабилизация партийной системы: в парламенте остались фракции четырех партий при доминирующем положении «Единой России». В региональных структурах законодательной (представительной) власти «Единая Россия» также добилась подавляющего большинства. Одновременно способы и инструменты получения «Единой Россией» победных результатов по мере продвижения по пути демократического транзита и в условиях открытого информационного пространства стали все сильнее вызывать недовольство избирателей.

Выборы депутатов Государственной Думы VI созыва в декабре 2011 г. также прошли по партийным спискам, однако волна недовольства со стороны избирателей была столь велика, что Б.В. Грызлов, председатель Высшего совета партии «Единая Россия», являвшийся председателем Думы двух предыдущих созывов, отказался от депутатского мандата. Председателем Государственной Думы стал С.Е. Нарышкин, ранее возглавлявший Администрацию Президента Российской Федерации, избранный депутатом по партийному списку «Единой России» от Ленинградской области.

Амбивалентные протестные настроения граждан привели к тому, что в течение 2012 г. Президентом и Правительством Российской Федерации были внесены нашедшие поддержку у парламентариев законопроекты, связанные с восстановлением смешанной избирательной системы и облегчением процедуры регистрации политических партий. К настоящему времени Министерством юстиции Российской Федерации уже зарегистрировано свыше 50 партий, при этом на рассмотрении находятся еще около двухсот заявок. Государственный проект политической и социальной стабилизации потребовал синусоидальных изменений в строительстве партийной системы.

Одновременно В.В. Путин продолжил деликатное и постепенное дистанцирование от «Единой России». СМИ постоянно подчеркивают, что Д.А. Медведев руководит партией, проводит встречи в регионах с партийными активистами, как председатель правительства поддерживает партийные инициативы и т.д.

Значительной инновацией в области государственного проектирования партийной системы стало создание Общероссийского народного фронта (ОНФ).

Ближайшей целью являлось обеспечение максимально широкой, а не только специфически партийной поддержки кандидатуры В.В. Путина на выборах Президента Российской Федерации в марте 2012 г. В состав фронта вошли около 2100 общероссийских и региональных общественных организаций, однако при этом в нем находилась только одна политическая партия — «Единая Россия». Попытки Г.Ю. Семигина, лидера партии «Патриоты России», имеющей депутатов в нескольких законодательных собраниях субъектов федерации, ввести партию в состав ОНФ, вызвали критику в регионах, и были приостановлены.

Перспективы фронта как «зонтичной конструкции» над формирующейся партийной системой неоднозначны и требуют дополнительного исследования ввиду его очевидного однопартийного характера и противостояния других политических партий.

При этом закономерно возникает еще один вопрос — о целесообразности участия в создании новых партий с неясными перспективами для тех, кто желает сделать политическую карьеру. Дело в том, что возвращение одномандатной составляющей на выборах депутатов Государственной Думы открывает возможность победить в избирательном округе с меньшими затратами, чем занимаясь партийным строительством.

Вместе с тем структуры исполнительной власти продолжают оставаться фактическим инициатором и источником многих партийных проектов, способных в перспективе реально участвовать в переустройстве политического пространства.

Например, именно таким путем была воссоздана партия «Родина», ранее влившаяся в партию «Справедливая Россия». За этот бренд боролись в 2012 г. несколько групп политически активных граждан, однако зарегистрировать партию удалось той из них, которую возглавил депутат Государственной Думы А.А. Журавлев, член фракции «Единая Россия», получивший мандат по списку Объединенного народного фронта — «беспартийной» части списка «Единой России» на выборах в декабре 2011 г.

Государственное участие в конструировании российской партийной системы является фактом, который не вполне соответствует западноевропейской и англосаксонской моделям демократии. Однако, на наш взгляд, оно не столько тормозит поступательное движение России к стабильному демократическому обществу, сколько способствует ему.

Г.М. Михалева

Дилемма проектирования партийной и избирательной системы в России при отсутствии конституционного консенсуса

Формирование электоральной формулы и института многопартийности, являющихся одними из фундаментальных составляющих трансформации политической системы, проходили и проходят в российских условиях непоследовательно и противоречиво.

К числу главных причин, обуславливающих сложность данного процесса, следует отнести отсутствие четкой границы между этапами либерализации и демократизации, связанных с принятием новой Конституции Российской Федерации и проведением учредительных выборов, отвечающих требованиям конкурентности и свободы волеизъявления.

Институциональные изменения после провозглашения новой российской государственности также проходили непоследовательно. Внятного проекта изменения партийной и избирательной системы, как, впрочем, и ясных представлений об институциональном дизайне, не существовало. Решения принимались *ad hoc*, в ответ на все новые внешние и внутренние вызовы и в соответствии с уровнем компетентности законодателей.

Известные события сентября—октября 1993 г., которые в соответствии с существующими в науке определениями могут быть квалифицированы как государственный переворот [38; 39. Р. 171], заставили вынести на референдум не вполне доработанный проект Конституции [11], имевший ряд существенных недостатков. В частности, в нем отсутствовало понятие политических партий, не содержались требования к данным институтам и не определялись основные параметры избирательной системы.

Для выборов в Государственную Думу была избрана смешанная (двойная несвязанная или мажоритарно-пропорциональная) избирательная система, сочетающая в себе недостатки мажоритарной и пропорциональной систем. При этом партии долгое время не являлись единственными субъектами электорального процесса.

В соответствии с Федеральным законом от 6 декабря 1994 г. № 56-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» [28] субъек-

ектами избирательного процесса выступали избирательные объединения, к которым относились партии и общественные объединения, имевшие право создавать блоки.

Избирательные объединения могли создаваться на непартийной основе, причем не только общественно-политическими, но и сугубо общественными объединениями, в уставных документах которых не были зафиксированы политические цели и задачи. Наглядным примером может выступать участие в выборах депутатов Государственной Думы II созыва в декабре 1995 г. избирательного объединения, созданного на основе Союза работников жилищно-коммунального хозяйства [1. С. 125—147; 13]. Партии стали единственными субъектами избирательного процесса на федеральном и региональном уровнях лишь с принятием Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» [29] и последующих изменений в избирательном законодательстве [30].

Следует также отметить, что начиная с президентских выборов 1996 г. в каждом из избирательных циклов увеличивалось использование административного ресурса и фальсификаций.

После избирательного цикла 2003 г. Государственная Дума, ставшая абсолютно подконтрольной правящей группе, последовательно меняла избирательное законодательство и закон о политических партиях, закрепляя доминирующее положение «партии власти» в малопартийной системе и максимально ограничивая возможности других субъектов избирательного процесса. Выборы как в центре, так и в субъектах федерации утратили признаки конкурентных, честных и свободных выборов, превратившись в имитацию.

Массовые протесты зимы 2011—2012 гг. против фальсификаций результатов голосования заставили власть разрабатывать новые проекты партийного и электорального законодательства, однако при этом оба направления политического проектирования опять оказались не согласованы друг с другом.

Переход в 2012 г. от ограниченной многопартийности к минимальным институциональным требованиям к партиям привел к возникновению феномена «мелкопартийности», распространению практик конструкции так называемых спойлеров для значимых игроков (от английского *to spoil* — «отравлять», «портить»), то есть кандидатов на выборах, которые не имеют шансов победить, но оттягивают на себя часть голосов за другого кандидатов со сходной программой, повышая тем самым шансы на победу кандидата с противоположной позицией по главным вопросам, а также к продаже партий заинтересованным лицам «под ключ» для участия в выборах без сбора подписей по избирательным округам. Конструкция, очевидно, была выбрана для сохранения преимуществ правящей партии и ее кандидатов в одномандатных округах.

При этом происходит возврат к старой электоральной формуле — двойной не связанной системе с пятипроцентным проходным барьером. Однако «проектировщики» не учли существенных изменений, которые происходят в последнее время в обществе: Самые значимые из них:

— появление в столицах и крупных городах образованной и относительно высокодоходной группы, владеющей новыми информационными технологиями, тре-

бующей реализации конституционных принципов прав и свобод и готовой к участию в уличных протестах;

— небольшое, но стабильное снижение рейтингов доверия к доминирующей партии, президенту и правительству, основанное в том числе на коррупционных скандалах и отставках ряда депутатов и министров;

— косвенная поддержка и стимулирование властями национал-патриотических и националистических групп на фоне усиливающейся клерикализации;

— снижение уровня доверия к институту выборов в целом и избирательным комиссиям в частности.

Именно поэтому новый электорально-партийный проект может дать совсем не те результаты, на которые рассчитывали его разработчики.

Р.А. Агафонов

Проект реформы институтов публичной власти в Москве

Система органов государственной власти и местного самоуправления в Москве — городе федерального значения — существенно отличается от системы институтов публичной власти в других субъектах федерации. Территория города в его прежних границах, то есть до присоединения к ней части территории Московской области [18], получившей название «Новой Москвы», была разделена на 10 административных округов, включавших в себя 125 районов.

Структура органов исполнительной власти субъекта федерации — города федерального значения — включала в себя три уровня: Правительство Москвы — префектуры в административных округах — управы в районах. Наряду с этим в соответствии с Законом города Москвы от 6 ноября 2002 г. № 56 «Об организации местного самоуправления в городе Москве» [4] в границах внутригородских муниципальных образований, создаваемых на территории районов города, осуществляли свою деятельность органы местного самоуправления: выборные представительские муниципальные Собрания, позднее переименованные в Советы депутатов, и подотчетные им исполнительно-распорядительные муниципалитеты. В результате на уровне районов Москвы сложилось своеобразное «двоевластие» управ и муниципалитетов, доставлявшее жителям определенные неудобства и неоднократно становившееся предметом дискуссий как в научном, так и в экспертном сообществе.

В декабре 2012 г. городским отделением политической партии «Справедливая Россия» был инициирован проект реформы институтов публичной власти в Москве.

Суть проекта заключалась в том, что в интересах жителей города признавалось целесообразным наличие в каждом районе только одного административного органа — управы района с передачей ей всех исполнительно-распорядительных функций по решению хозяйственных проблем в районе, а также тех государственных полномочий, которые ранее были переданы муниципалитетам — в сферах опеки и попечительства, деятельности комиссий по делам несовершеннолетних, организации досуговой и физкультурно-оздоровительной работы. При этом пред-

лагалось расширить полномочия Советов депутатов в плане контроля за деятельностью управ, распределением и расходованием бюджетных средств на социально-экономическое развитие районов [21].

Данный проект получил определенное одобрение со стороны руководства столичных коммунистов, хотя заявление Бюро Московского городского комитета КПРФ о необходимости проведения административной реформы, датированное 28 декабря 2012 г., в целом носит непоследовательный и противоречивый характер.

Содержание констатирующей части документа весьма критично: в ней, в частности, подчеркивается, что «административная модель “правительство — префектура — управа” малоэффективна, при этом на содержание чиновничьего аппарата ежегодно тратятся огромные средства».

Однако в постановляющей части заявления наряду с необходимостью «поставить под контроль депутатов работу управ и все бюджетные расходы», тем не менее, предлагается «предоставить возможность Советам депутатов передавать полномочия муниципалитетов по опеке, досуговой, социально-воспитательной, спортивной работе управам районов» [6].

Выдвижение и одобрение подобного проекта оппозиционными политическими партиями, на первый взгляд, вызывает некоторое удивление.

По-видимому, более логичным с их стороны было бы ожидать предложения о расширении полномочий муниципалитетов как исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления с передачей им функций управ районов, являющихся низовыми структурами системы органов исполнительной власти субъекта федерации. К тому же именно такой подход в большей степени соответствовал бы принципам Европейской хартии местного самоуправления [3].

Однако в данном проекте, несомненно, присутствует и рациональная составляющая: передача органам местного самоуправления государственных полномочий на деле привела к раздвоению и взаимному дублированию функций управ и муниципалитетов, двойному финансированию и общему увеличению штатов государственных и муниципальных служащих в районах. Именно поэтому проект нашел понимание и поддержку как стороны исполнительной власти города, так и со стороны политической партии «Единая Россия», имеющей депутатское большинство в Московской городской Думе и во многих районных Советах депутатов.

Эксперимент по возвращению управам государственных полномочий, ранее переданных муниципалитетам, который первоначально планировалось осуществить в трех районах, распространился на 58 из 125 внутригородских муниципальных образований, существующих в прежних московских границах, что было закреплено принятием Закона города Москвы от 6 февраля 2013 г. № 8 «О внесении изменений в отдельные законы города Москвы» [5].

Если результаты эксперимента окажутся положительными, то дальнейшая реализация проекта, на наш взгляд, может способствовать решению проблемы, связанной с организацией системы управления на присоединенной к Москве территории, ранее входившей в состав Московской области. Существующие сегодня администрации городских округов и поселений «Новой Москвы» являются исполнительно-распорядительными органами местного самоуправления и формально

не могут подчиняться префектуре Троицкого и Новомосковского административных округов — органу государственной власти субъекта федерации, что в целом ряде случаев препятствует эффективному взаимодействию данных институтов публичной власти, которое бы отвечало интересам граждан.

Для того чтобы привести управление городом «к общему знаменателю», видится целесообразным распространить трехзвенную структуру исполнительной власти и на новую московскую территорию, преобразовав администрации городских округов и поселений в подчиненные префектуре управы, решения и действия которых должны будут согласовываться с представительными выборными органами местного самоуправления — Советами депутатов.

О.Ю. Пименова

Технологии проектирования политического имиджа государства

В последнее время отечественная политология стала уделять больше внимания такому прикладному аспекту, как политическое проектирование. Подобный интерес во многом объясняется его возможностями, связанными с созданием новых и совершенствованием уже существующих элементов политической системы, контролем над политическими процессами и управлением политическим поведением. Так как проектирование может быть реализовано на нескольких уровнях: институциональном, процессуальном и технологическом, — каждый из них раскрывает особое содержание этого вида деятельности. Технологии проектирования широко используются в электоральных кампаниях, в ходе принятия политических решений и переговорах, в практиках лоббирования и создания имиджей.

Несмотря на наличие целого ряда работ, посвященных данной проблематике, существуют и очевидные пробелы в некоторых областях указанного круга знаний. Данное замечание касается узкой, но сложносоставной сферы изучения технологий проектирования политического имиджа государства. Интересы исследователей преимущественно концентрируются на вопросах персонального имиджа претендента на выборную или назначаемую должность либо имиджа организации — партии, компании.

Исследованию имиджа государства в отечественной науке уделяется гораздо меньше внимания, хотя присутствуют определенные наработки в смежном направлении, касающемся образа и восприятия имиджа страны. Те же исследования, которые в той или иной мере связаны с анализом, созданием и продвижением имиджа государства, на сегодняшний день фрагментарны и не носят комплексного характера.

Изучение создания имиджа государства как технологии политического проектирования позволяет расширить понимание исследуемого феномена, выходящее за пределы его простого описания, и дает возможность проанализировать все элементы данного сложного многосоставного процесса.

Практики конструирования политического имиджа государства приобрели особое значение в свете вступления современных обществ в информационную эпоху. Зачастую государства, а также их деятельность, оцениваются как собствен-

ными гражданами, так и зарубежной аудиторией, исходя из существующего образа и сформировавшегося к ним отношения. Когда репутация государства во многом поставлена в зависимость от окружающего его информационного ореола, надеяться исключительно на имеющуюся военную или экономическую мощь представляется не слишком эффективным. Необходимо отвечать вызовам современного мира — быть информационно вооруженным.

Даже если информационная экспансия не является основной целью государства, информационная защита должна присутствовать постоянно, причем под ней следует понимать не столько ограничение нежелательного потока информации, сколько готовность нанести ответный удар или поставить блок в информационном поле в виде собственной трактовки политических событий, явлений, процессов.

Универсального определения понятия «политические технологии» не существует, так как оно может отражать широкий спектр смыслов в зависимости от подхода и сферы исследования. На наш взгляд, в наиболее общем виде политические технологии можно определить как совокупность последовательно применяемых процедур, приемов и способов деятельности, направленных на наиболее оптимальную и эффективную реализацию целей и задач конкретного политического актора при решении той или иной проблемы.

В свою очередь, политическое проектирование можно трактовать как специфическую область разработки и применения политических технологий, которая связана с деятельностью по определению вариантов развития политических процессов и их целенаправленному изменению. Как правило, эта деятельность выражается в создании проекта по трансформации политической системы или ее элементов.

Если трактовать имидж как целенаправленно созданный образ, рабочий конструкт и инструмент, то в самом общем виде технологии проектирования политического имиджа государства связаны с выработкой совокупности эффективных приемов по целенаправленному созданию и позиционированию образа государства и его политических институтов.

Одна из основных характеристик проектирования имиджа государства — его целенаправленность. Так как речь идет о политических технологиях, то цель определяется заказчиком. Прямо или косвенно на формирование имиджа оказывает влияние множество акторов, но главным заказчиком по-прежнему являются органы и институты власти: именно их имидж создается и именно они в первую очередь заинтересованы в нем.

На уровне исполнителя заказа существует определенный выбор: в этой роли может выступать как само государство в лице его специализированного института, так и негосударственная кампания.

Несмотря на то, что практика привлечения негосударственных структур к данному виду политического проектирования набирает в последнее время все большую популярность, следует, тем не менее, отметить, что создание имиджа государства — это масштабный, ресурсозатратный и долговременный процесс, и поэтому более распространенным на сегодняшний день является первый вариант.

Имидж государства предназначен для трансляции на внутреннюю или внешнюю аудиторию с целью совершенствования представлений данной аудитории о конкретном субъекте в его собственных интересах. Одна из целей формирования имиджа — максимально близко «подвести» представления индивида или общности к идеальному образу, соответствующему коммуникативным задачам субъекта.

Общий алгоритм формирования имиджа универсален, будь то имидж человека, организации или государства, и включает в себя пять основных этапов разработки и реализации коммуникационных программ.

1. *Оценка ситуации* предполагает, в первую очередь, определение аудитории и ее требований. На различные сегменты аудитории будет транслироваться именно тот набор элементов целенаправленно сформированного образа, который с большей вероятностью найдет отклик в соответствующей социокультурной среде. Также на этом этапе необходимо провести глубокое исследование восприятия уже существующего имиджа государства теми или иными целевыми аудиториями, определить его положительные и негативные аспекты, наиболее и наименее популярные и востребованные элементы, информационные пустоты.

2. *Разработка проекта имиджа* включает выбор и формулировку составляющих характеристик, их группировку по целевым аудиториям, соотнесение реальных характеристик с ожидаемыми, создание плана моделирования имиджа и прочие действия по конструированию объекта. Данный проект будет являться отправной точкой для позиционирования имиджа.

3. *Разработка коммуникативных стратегий продвижения имиджа* охватывает весь спектр действий по коммуникации с целевой аудиторией, включая выбор целей и средств коммуникации, определение сроков и ресурсов, взаимодействие со средствами массовой информации, разграничение основных направлений деятельности, распределение сообщений между различными каналами коммуникации и пр. Следует отметить, что на данном этапе должны обязательно учитываться не только стратегические, но и тактические задачи.

4. *Реализация стратегии позиционирования* — непосредственный старт проекта, практическое осуществление теоретических разработок с обязательным учетом промежуточных результатов.

5. *Оценка эффективности и корректировка* включает в себя постоянный мониторинг результатов краткосрочного и долгосрочного характера. Получаемая информация помогает вносить конъюнктурные корректировки и преобразования в изначальный проект.

Это лишь общая структура технологии проектирования имиджа, которая в процессе разработки приобретает ряд специфических черт, связанных с особенностями рассматриваемого объекта и условий позиционирования.

Следует помнить, что такой объект, как имидж государства, сложен и включает в себя имиджи главы государства, органов государственной власти и силовых структур, правящей политической элиты и государственной бюрократии и пр.

Так как имидж государства — это сложносоставной конструкт, то имидж каждого из перечисленных элементов должен работать на создание целостного впе-

чатления. Точечная работа над каким-либо одним элементом, пусть даже весьма успешная, не будет иметь существенного значения, если другие находятся в неудовлетворительном состоянии, поэтому так важно помнить про общие стратегические задачи и наладить взаимодействие институтов, занимающихся продвижением имиджей отдельных акторов.

Одной из важных характеристик современного мира является значительная взаимосвязь внутривнутриполитического и внешнеполитического измерений, которые не могут быть искусственно изолированы, какие бы усилия к этому ни прикладывались. Соответственно, внешний и внутренний имиджи государства также не должны противоречить друг другу.

Важной особенностью любых технологий является то обстоятельство, что прежде чем таковыми называться, они должны быть опробованы на практике, доведены до некоего логического алгоритма и, самое главное, подтвердить свою эффективность. Поэтому более глубокое изучение технологий проектирования политического имиджа государства должно проходить параллельно с их непосредственной отработкой.

Д.И. Писарчук

Проектирование современного партийного бренда

Интерес к брендингу первоначально возникает и развивается в сфере экономики, когда неотъемлемой задачей производителей и продавцов в условиях рыночной конкуренции становится стремление выделить свой товар из массы похожих, а притязательный покупатель желает приобрести нечто особенное, отличное от предлагаемого множества сходной продукции. Однако едва ли покупатель сможет отличить содержание и качество товаров, если с них снять фирменную упаковку. Поэтому можно с высокой степенью уверенности утверждать, что покупается не столько сам товар, сколько его бренд.

Приведем известный пример, наглядно иллюстрирующий данный тезис: неискушенный потребитель не в состоянии визуально различить содержимое предлагаемых ему двух одинаковых прозрачных стаканов, наполненных темно-коричневой газированной жидкостью, тогда как стоя у прилавка в магазине он намеренно делает выбор в пользу одной из них — продукции компании «Пепси» или «Кока-Колы».

Необходимость достижения «узнаваемости» товара или услуги дает основания говорить о бренде, под которым чаще понимается популярная, легко узнаваемая потребителем и юридически защищенная символика какого-либо производителя или продукта.

Партийный бренд во многом напоминает бренд коммерческий, так как конкуренция на политической арене во многом сродни конкуренции на экономическом рынке.

Сегодня конкурентная борьба за голоса избирателей — это борьба не столько самих политических партий и их программ, сколько партийных образов-брендов. Процессы, происходящие в политической и экономической сфере жизни общества, имеют много общего: в частности, при создании и продвижении политических

или партийных брендов задействованы интегрированные маркетинговые коммуникации. Вместе с тем существуют и отличия, одно из которых состоит в аудиторрии, заинтересованной в принципиальной полезности удовлетворения своих интересов и реагирующей на яркость информации, побуждающей потребителей проявлять дальнейший интерес в соответствующем направлении.

Между брендингом и проектированием существует очевидная логическая связь. Проектирование — это всегда особый, уникальный набор действий, целью которых является создание чего-либо нового, задающее конкретные временные рамки и в конечном итоге подразумевающее результат, скоррелированный с существующими требованиями и ограничениями. Эффективность же брендинга обусловлена четко поставленной целью и слаженностью коммуникативных действий, направленных на ее достижение, что по своей сути также является и ядром проектирования.

Поскольку характеристики брендинга и проектирования во многом схожи, данное обстоятельство позволяет утверждать, что бренд — это частный случай проекта как результата целенаправленной деятельности, обозначаемой понятием «проектирование».

Уникальность проектируемого бренда становится наиболее весомой и значимой в конкурентной борьбе — как в экономической, так и в политической сфере. Особенный расцвет данный феномен приобрел в XX в., когда в условиях появления множества сходных товаров и услуг возникла необходимость ориентировать потребителя на выбор и предпочтение определенной продукции. Так появился бренд как комплекс действий, направленный на создание узнаваемой товарной марки и работы с потребителями. Аналогичным образом в условиях политической конкуренции возник и партийный бренд.

При этом в качестве «товарной марки» — партийного бренда выступает уникальная совокупность значений, образов, символов, закреплённая в сознании масс, которая не только служит идентификатором политических явлений и субъектов, но и является своего рода «упаковкой» для «товара», значимой и отличительной оболочкой того, что находится «внутри».

Специфика партийного брендинга неразрывно связана с потребностями целевой аудитории. Она во многом носит характер локальности (заданная местность) и краткосрочности (в широком смысле — нацеленность на быстрый результат). При этом проектирование партийного бренда, как и любой другой вид проектирования, всегда осуществляется людьми, имеет ограниченный круг доступных ресурсов и проходит в своем развитии стадии планирования, исполнения и управления.

В качестве основы для построения бренда используются ответы на вопросы: что (кто) это такое (такой); на кого ориентирован бренд; зачем это нужно?

В свою очередь, бренд ориентируется на потребности четырех видов, которые он должен удовлетворять: ситуативную, статусную, социокультурную, а также потребность в условиях конкуренции. Таким образом, партийный бренд может называться проектом, поскольку его задача состоит в том, что он отвечает на поставленные выше вопросы и принадлежит к одному из типов потребностей для эффективной работы с целевыми аудиториями. Вера в достижимость провозглашаемых преимуществ партийного бренда показывает его уникальность и мотивирует

целевую аудиторию на определенные действия. В эффективном бренде очень важно отсутствие заметного несоответствия между заявляемыми политическим актором целями и ожиданиями его аудитории.

Мировую известность в сфере консалтинга приобрела универсальная модель «Колесо бренда», предложенная кампанией Bates Worldwide. Она предполагает построение коммерческого бренда на основе выделения его внутренней структуры.

На наш взгляд, данная модель может быть применима и к проектированию партийного бренда, который состоит из таких же структурных элементов, как и бренд коммерческий. В частности, в нем так же можно выделить, во-первых, его атрибуты (в случае партийного бренда таким элементом выступает символика партии — так, например, изображение медведя ассоциируется с партией «Единая Россия»); во-вторых, преимущества бренда (обещания, которые дает партия своему электорату); в-третьих, ценности бренда (заявление партии о своей «уникальности», например, о том, что она имеет свою собственную позицию в решении актуальной проблемы); в-четвертых, сущность бренда (центральная программная идеология партии).

В современных условиях особенности проектирования и дальнейшего продвижения партийного бренда связаны с необходимостью эффективного использования коммуникационных возможностей Интернета.

Сегодня партийный бренд уже невозможно представить без его сетевой составляющей, которая по сравнению с традиционными, «внесетевыми» механизмами политической рекламы, агитации, пропаганды и связей с общественностью несет в себе ряд очевидных преимуществ. Во-первых, это возможность охвата более широкой и разноплановой аудитории, адресного воздействия на ее различные сегменты — региональные, гендерные, возрастные и т.д. Во-вторых, это достаточно высокая скорость распространения актуальной информации при относительно низкой величине коммуникационных издержек. В-третьих, это реальность создания системы эффективной обратной связи с аудиторией в режиме «здесь и сейчас», что, несомненно, способствует установлению конструктивного и доверительного диалога партии со своими сторонниками — как уже существующими, так и потенциальными. Результатом такого брендинга может стать не только появление «интернет-версий» уже существующих партийных брендов, но и создание так называемых «киберпартий» [40], коммуникационная активность которых будет осуществляться только или преимущественно во Всемирной Сети. Однако данная проблематика на сегодняшний день остается недостаточно разработанной, несмотря на свою очевидную востребованность с позиций как политической науки, так и политической практики.

Д.Б. Казаринова

**Новые медиа как политические проекты и элементы мягкой силы
в современном политическом процессе**

Политическое проектирование [7. С. 188—193] как деятельность предполагает создание определенной социальной и управленческой модели, направленной на достижение общественного блага и ориентированной в будущее.

Сегодня мы видим, что в авангарде всех социально-политических процессов оказываются явления и процессы, происходящие в Интернете. Именно они задают те формы политического, которые со временем получают воплощение в реальном измерении. То, как реализация медиапроекта перешла в плоскость реальной российской политики на самом высоком уровне, демонстрирует проект системы «Открытое правительство», целью которого было повышение качества принимаемых решений, поиска компромиссов между государственными институтами и институтами гражданского общества и «формирование новой для России культуры взаимодействия» [32] между ними, а приоритетными направлениями деятельности Открытого правительства стали: борьба с коррупцией; развитие конкуренции и предпринимательства; развитие кадрового потенциала и человеческого капитала, то есть наиболее острые проблемы развития российского общества в контексте модернизации. Шагом, воплотившим медиапроект в реальную политику, стало формирование кабинета министров Правительства премьера Д.А. Медведева.

Ключевым трендом развития Интернета как средства политической коммуникации является формирование и рост роли «новых медиа», а именно социальных сетей и блогов, «характеризуемых низким уровнем подконтрольности, значительным мобилизационным потенциалом, способствующим высокой социальной самоорганизации граждан» [10].

Социальные сети появились не так давно, но плотно вошли в жизнь общества во всех ее ипостасях: в политику (о них говорят как о значимых транснациональных политических акторах, организующих Twitter/Facebook-революции), в экономику (как мощный и эффективный канал коммуникации между брендами и потребителями), в религию (интенсифицируя диалог внутри конфессий и между ними), в культуру (делая площадки культурного обмена гораздо более доступными, а в области досуга они завоевали лидирующее положение), и в первую очередь, в область повседневного общения, пронизывая всю социальную ткань жизни населения, особенно в крупных городах и среди молодежи. Сегодня социальные сети становятся важнейшим инструментом социального.

В настоящее время социальные сети в гораздо большей степени, чем традиционные СМИ, определяют социальную и политическую повестку дня, создают новостные поводы, бесконтрольно вмешиваются в повседневную жизнь, делая ее максимально транспарентной. При этом ни власть, ни общество не выработало действенных механизмов контроля за таким вмешательством. В результате многие общественные институты становятся крайне уязвимыми.

Дискуссия о роли социальных сетей в Арабской весне / дестабилизации всего Ближнего Востока / новой волне демократизации (разные определения одного феномена в современной политике) стала одной из самых актуальных в последнее время. Еще одно определение череды тех же событий — Twitter/Facebook-революции — отражает черту, характерную для большинства эпизодов ближневосточных протестов, — беспрецедентно активное использование участниками протестов информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), и в первую очередь социальных сетевых сервисов. Для российских протестных выступлений 2011—2012 гг.

и последующей активности оппозиции новые медиа имеют также системообразующее значение. Собственно, сущность дискуссии сводится к тому, являются ли новые медиа лишь инструментом или одновременно инструментом и самостоятельным обезличенным политическим актором?

Многие эксперты отмечают такую корреляцию: «протесты в тех государствах, где использование ИКТ было максимально активным, проходили по более мягкому сценарию. Некоторые эксперты считают такую корреляцию следствием гуманизирующей роли Интернета. Однако в действительности причинно-следственная связь скорее носит обратный характер: чем более развито государство в социально-экономическом отношении, и чем либеральнее относится режим к свободе коммуникации, тем выше уровень проникновения ИКТ, включая социальные сети» [2. С. 61].

Флагманом процесса становления социальных сетей как нового глобального политического актора является Google. Эта крупнейшая IT-корпорация, в отличие от Facebook, Twitter, LinkedIn, MySpace, Friendster, Одноклассники, Вконтакте и прочих социальных сетей, вполне определенно позиционирует себя как игрока на различных площадках, включая площадку взаимодействия с государством, причем необязательно в рамках PR, GR или просто налаживания дружественных связей. Она ставит перед собой цели, далеко выходящие за рамки коммерческих интересов, и заручается поддержкой на самом высоком государственном уровне. И хотя «сами социальные сети в Арабской весне не проявили себя в качестве субъектов корпоративных интересов, подобных ТНК... их руководство не пыталось управлять протестной активностью или хотя бы направлять ее» [2. С. 61], представляется возможным констатировать появление нового субъекта мировой политики, который наряду с МПО, МНПО и ТНК будет определять мировую политическую повестку и конкурировать с традиционными политическими акторами глобального масштаба — государствами.

Пока понимание сущностных характеристик и роли социальных сетей как глобальных политических игроков не закрепилось в социальном знании. Экспертное сообщество признает, что, с одной стороны, социальные сети — это эффективный инструмент для мобилизации на массовые акции. С другой стороны, социальные сети не управляют своей аудиторией. Во всяком случае, пока не управляют полностью.

Тем не менее, на пространстве сетевой коммуникации существуют технологии управления аудиторией.

Социальные сети кажутся полностью прозрачными, объективными и свободными от идеологии лишь на первый взгляд. В поле публичной политики, в том числе и российской, активно используются технологии интернет-дискуссий с участием веб-бригад. «Веб-бригады» — интернет-пользователи, контролируемые заказчиком, занимающиеся формированием нужного заказчику общественного мнения и манипуляциями общественным мнением в Интернете. В связи с этим появился специальный термин «астротурфинг» — использование современного программного обеспечения или специально нанятых оплачиваемых пользователей для искусственного управления общественным мнением.

Астротурфинг может применяться для вытеснения мнения реальных людей на веб-форумах, для фальсификации общественных кампаний в интернет-пространстве, в том числе политических. Астротурфингом пользуются политтехнологи, спецслужбы, национальные правительства различных держав в политических целях, и транснациональные корпорации в бизнес-целях. Астротурфинг может быть важнейшим каналом реализации мягкой силы в современной политике.

Среди других, обратных астротурфингу, форм новых политических акторов интернет-происхождения и сетевого характера можно назвать такое явление, как краудсорсинг, — «передачу каких-либо действий, работ и функций вообще не определенному внешнему кругу лиц на неоплачиваемой основе... позволяющим в рамках единого сервиса агрегировать и ретранслировать информацию» [2. С. 65] посредством любых мобильных устройств.

Другая дефиниция определяет это явление как «коллективную работу множества участников с равными возможностями действий по решению, обсуждению или созданию совместного продукта» [14] или общественного блага.

Единственным вероятным решением проблемы демократического дефицита / постдемократического состояния, наряду с пробуждением массовых гражданских движений, становится такой механизм прямой демократии, как краудсорсинг.

Политический краудсорсинг как феномен становления и функционирования безличного коллективного политического актора нового типа — тема довольно новая в политологическом дискурсе, однако уже сейчас понятно, что политический краудсорсинг реализуется двумя путями: напрямую (например, проект Конституции Исландии, написанный в ходе совместной онлайн-работы; поправка к Конституции Финляндии, которая обязывает парламентариев в обязательном порядке рассматривать предложения граждан, набравшие 50 000 подписей, и др.) и косвенно (российские проекты Навального, которые оказывают политическое давление на власть).

Современные краудсорсинговые платформы и способы организации работы множества людей позволяют приблизиться к прямой демократии. Но очевидно, что политический краудсорсинг порождает новые проблемы и вызовы, в том числе и политической науке, ставя вопрос о возможностях манипуляций, достоверности и легитимности политических решений, принятых посредством политического краудсорсинга.

Сегодня в России действуют ряд наиболее развитых социальных сетей, из которых максимальную аудиторию охватывают Facebook, Одноклассники и ВКонтакте. Последняя пока удерживает лидерство среди социальных сетей на территории России, Белоруссии и Украины. 5 февраля 2013 г. в социальной сети зарегистрировался двухсотмиллионный пользователь. Однако в связи с чередой скандалов вокруг основателя компании позиции ВКонтакте могут несколько ослабеть. К тому же, по мнению экспертов, социальной сети, чтобы выжить, необходимо становиться глобальной. Но ВКонтакте не обладает уникальными свойствами по отношению к конкурентам.

Сегодня российские социальные сети проигрывают глобальным. Это объективный процесс, заставляющий, однако, задуматься.

Как мы отметили, социальные сети, несомненно, несут определенную идеологию и определенные ценности, оказывающие существенное влияние на аудиторию данных ресурсов — преимущественно прогрессивную, наиболее активную и молодую прослойку граждан с достаточным уровнем дохода, чтобы иметь возможность выдвигать политические и идейные требования, в отличие от бедного населения, которое далеко не всегда обладает доступом в Интернет.

Таким образом, Россия в поле политики сдает свои позиции в распоряжении стратегически важным каналом политической коммуникации — социальных сетях. И тем более обидно, что это единственный элемент мягкой силы России, который не достался ей в наследство от СССР, а получил развитие в последние годы.

А.А. Кинякин

Проектирование политических действий в контексте развития малого и среднего предпринимательства в современной России

Одним из важнейших направлений как экономического, так и политического развития государства на сегодняшний день является обеспечение устойчивого экономического роста, который, в свою очередь, во многом способствует поддержанию политической стабильности.

Важным механизмом в данном плане выступает стимулирование экономической активности внутри страны. В первую очередь это касается развития малого и среднего предпринимательства, которое в настоящее время не только обеспечивает экономический рост и занятость (в развитых странах на МСБ приходится порядка 50% объема ВВП и около 70% всех занятых в экономике), но и выступает значимым элементом политической стабильности.

Во многом именно МСБ способствует формированию так называемого среднего класса, являющегося «цементирующим» элементом общественной структуры, а также основой, на которую может опереться государство при реализации своей политики. В этой связи развитие малого и среднего и бизнеса представляется одним из важных направлений государственной экономической политики, в том числе с точки зрения проектирования политических действий, направленных на стимулирование МСБ.

Особенно актуально это в настоящее время в России, где развитие МСБ сопряжено с рядом трудностей, обусловленных как действием объективных, так и субъективных факторов. К числу первых, в частности, можно отнести относительную «молодость» российского малого и среднего бизнеса, что во многом определяет сравнительно небольшое число действующих в стране малых и средних предприятий. По разным оценкам на сегодняшний день в России зарегистрировано 830—860 тыс. малых и средних предприятий. Для сравнения в Германии и Великобритании этот показатель находится на уровне 2,6 и 2,3 млн предприятий соответственно, а в США он превышает уровень в 19,5 млн.

Относительно небольшое число во многом обуславливает относительно небольшую долю российского МСБ в ВВП. На сегодняшний день на долю малых и средних предприятий в России приходится порядка 10—11% вырабатываемого

в России ВВП. В то же время в развитых странах на МСБ в настоящее время приходится в среднем 63% ВВП. При этом в некоторых странах, к примеру, в Японии, доля малого и среднего бизнеса в структуре ВВП составляет около 80% [15. С. 77].

Таким образом, малый бизнес в определенном смысле является «столпом» многих западных экономик, осуществляющих помимо прочего важную функцию — создание рабочих мест. На сегодняшний день около 72% экономически активного населения в европейских странах занято на малых и средних предприятиях. В США этот показатель составляет 54%, а в Японии доходит до 78%. Для сравнения — в России доля занятых в МСБ не превышает 13% от общей численности экономически активного населения страны. При этом значительная часть занятых приходится на так называемых индивидуальных предпринимателей, общая численность которых в России по состоянию на конец года составляла около 4 млн человек.

В числе субъективных факторов, которые во многом препятствуют развитию российского МСБ, следует отметить достаточно непоследовательную и противоречивую политику государства в области стимулирования предпринимательской деятельности.

Несмотря на принятие в последние годы ряда законодательных инициатив (в частности, ФЗ–209 «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ» от 24.07.2007), а также реализацию мер, направленных на создание организационных структур в целях развития малого и среднего предпринимательства (к примеру, различных технопарков и бизнес-инкубаторов), практическая реализация шагов для поддержки малого и среднего предпринимательства в настоящее время почти не предпринимается. Скорее наоборот, можно говорить о том, что государственная политика в определенном смысле сдерживается развитие МСБ.

В данном случае речь в первую очередь идет о мерах налогового стимулирования для малого и среднего бизнеса, которые являются одним из основных факторов его развития. Принятое в 2012 г. решение о двукратном увеличении объема пенсионных выплат для индивидуальных предпринимателей способствовало тому, что за период с января по апрель 2013 г. число ИП в России сократилось более чем на 7%. Помимо индивидуальных предпринимателей увеличение фискальной нагрузки также коснулось и других форм малого и среднего бизнеса. В частности, вступившие в силу в 2012 г. поправки в Налоговый кодекс РФ, изменяющие существующие правила упрощенной системы налогообложения предпринимателей и правила единого налогообложения на вмененный доход, во многом способствовали увеличению уровня налоговых изъятий, и, как следствие, снижению стимулов для занятия предпринимательской деятельностью.

Другим не менее значимым препятствием на пути развития малого и среднего бизнеса в России является достаточно «дорогое кредитное плечо» — высокая стоимость кредитных ресурсов.

В настоящее время средняя процентная ставка по банковскому кредиту для малых и средних предпринимателей составляет около 20%. При этом для ряда категорий бизнесменов, которые отнесены к так называемой «группе повышенного

риска» (в частности, ресторанный бизнес), стоимость кредита может достигать 40%. Труднодоступность или ограниченность кредитных ресурсов способствует снижению стимулов для занятия предпринимательской деятельностью.

Среди других немаловажных факторов, препятствующих развитию МСБ, следует отметить рост коррупции в России.

По оценке международной организации Transparency International, в 2012 г. Россия занимала 133 место из 176 стран [33]. При этом рост коррупции в России, которая в последние годы стала настоящим бедствием для страны, сопровождается снижением качества и эффективности государственного управления и ухудшением конкурентоспособности России.

По оценке Всемирного банка, эффективность государственного управления в России соответствует показателям самых низкоразвитых государств (средний балл 20 из 100 возможных), а в рейтинге конкурентоспособности стран, ежегодно составляемым Международным экономическим форумом, наша страна заняла 67 место из 144 [43].

Не менее, а, возможно, и более серьезным препятствием на пути развития МСБ в России на сегодняшний день выступает усиление административных барьеров.

Согласно оценке, приведенной в докладе Всемирного банка Doing Business, в 2013 г. Россия находилась на 113 месте по легкости ведения бизнеса из 185 стран. При этом по таким показателям, как регистрация предприятий, получение разрешения на строительство, Россия заметно уступала не только развитым, но и многим развивающимся странам (в том числе и странам постсоветского пространства). Причем наиболее явным являлось отставание по показателю «защита интересов инвесторов», где рейтинг России составил 117, за год опустившись на три позиции вниз.

В целом же оценка, приведенная в докладе Всемирного банка, свидетельствует о том, что в настоящее время инвестиционный климат в России является крайне неблагоприятным для осуществления инвестиций [34]. Причем это касается не только внешних инвестиций, но и внутренних.

Проблема усугубляется еще и тем, что в настоящее время по уровню инновационного развития Россия все больше отдалается от развитых государств, что уже сейчас представляет собой крайне серьезную проблему, решение которой требует активного государственного вмешательства.

Тем не менее, несмотря на то, что российские власти осознают и признают всю серьезность проблем, с которыми в настоящее время сталкивается российский бизнес, активных действий, направленных на то, чтобы оказать должную поддержку, не предпринимается либо эти действия носят крайне противоречивый и непоследовательный характер. В качестве примера можно отметить ситуацию с декриминализацией ряда «экономических» статей УК РФ, а также планируемым проведением амнистии для лиц, обвиняемых в экономических преступлениях. Под ее действие подпадут не сотни тысяч предпринимателей, как предполагалось изначально, а всего около 10 тыс. человек.

Во многом подобная позиция российских властей не только не способствует развитию бизнеса, в первую очередь, малого и среднего, но и снижает и без того невысокую привлекательность предпринимательской деятельности. Согласно опросу, проведенному в начале нынешнего года Global Entrepreneurship Monitor, в настоящее время в России всего лишь 2% населения намерены заняться собственным бизнесом [35].

Между тем развитие предпринимательства, прежде всего МСБ, позволило бы государству извлечь для себя немало выгод. И речь в данном случае идет не только о налоговых поступлениях, создании дополнительных рабочих мест в различных регионах, но и развитии человеческого капитала, использовании инновационных технологий. Наконец, об улучшении имиджа и репутации государства как структуры, заинтересованной в устойчивом развитии.

Но самое главное — развитие МСБ позволило бы создать тот самый средний класс, который стал бы опорой государства при осуществлении последним своей политики, а также залогом политической стабильности.

Решение этой задачи, которая носит стратегический характер, возможно только на основе реализации масштабного проекта по поддержке и развитию малого и среднего предпринимательства.

По мнению ряда экспертов, он должен себя включать несколько аспектов, среди которых институциональный, финансовый и административный. Институциональный аспект связан не только с принятием нового, а также гармонизацией существующего законодательства, связанного с развитием МСБ на различных уровнях, но и созданием специальных структур, основной целью которых будет содействие развитию малого и среднего предпринимательства и в основу деятельности которых будет положен критерий эффективности.

Финансовый аспект предполагает активную деятельность государства в плане предоставления необходимых ресурсов для развития малого и среднего предпринимательства. Речь в данном случае может идти о субсидировании процентных ставок по кредиту, использовании системы государственного заказа в целях развития бизнеса (в частности, для среднего бизнеса), а также активном применении мер налогового стимулирования.

Наконец, в административном плане государство должно стремиться к проведению дерегулирования в экономической сфере за счет передачи ряда функций государственных регулирующих органов различного рода саморегулирующимся организациям (СРО). Это позволит не только снизить прессинг на бизнес (и в первую очередь, малый и средний, которые, в отличие от крупного, практически не защищены), но и будет способствовать уменьшению коррупции.

Немаловажно, что реализация мер по поддержке развития малого и среднего предпринимательства в России должна быть связана с долгосрочным проектированием государственных действий в области экономической политики. В этой связи представляется целесообразным принятие долгосрочной концепции развития МСБ, в которой будут отражены не только основные аспекты, о которых говорилось выше, но и предусмотрены различные сценарные варианты развития, исходя

из экономической ситуации в России и мире. Это позволит более четко реагировать на меняющую ситуацию, задействуя в первую очередь те меры, которые являются релевантными сложившему положению.

Следует также отметить, что реализация масштабного проекта по развитию малого и среднего предпринимательства может стать мощным стимулом для других направлений государственной политики в экономической сфере, в частности, способствовать активному развитию региональных экономик, созданию необходимой инфраструктуры (в том числе и на основе реализации государственно-частного партнерства), внедрению инноваций. Все это позволит существенно повысить привлекательность и конкурентоспособность российской экономики, что, в свою очередь, позволит существенно повысить инвестиционную активность.

Таким образом, развитие МСБ представляется крайне важным как в общеэкономическом, так и политическом плане. Оно позволит решить ряд важных проблем, стоящих перед страной, а также обеспечить стабильное экономическое и политическое развитие за счет реализации потенциала, заложенного в МСБ.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гельман В.Я.* Создавая правила игры: российское избирательное законодательство переходного периода // *Полис*. — 1997. — № 4.
- [2] *Демидов О.* Социальные сетевые сервисы в контексте международной национальной безопасности // *Индекс Безопасности*. — № 4 (99). — Т. 17.
- [3] Европейская хартия местного самоуправления (совершено в Страсбурге 15.10.1985) // *Собрание законодательства Российской Федерации*. — 1998. — № 36. — Ст. 4466.
- [4] Закон города Москвы от 06.11.2002 № 56 «Об организации местного самоуправления в городе Москве» // *Ведомости Московской городской Думы*. — 2002. — № 12. — Ст. 276.
- [5] Закон города Москвы от 06.02.2013 г. № 8 «О внесении изменений в отдельные законы города Москвы» // *Ведомости Московской городской Думы*. — 2013. — № 3. — Ст. 8.
- [6] Заявление Бюро МГК КПРФ о необходимости проведения административной реформы в Москве [28 декабря 2012 г.] // *Коммунистическая партия Российской Федерации*. URL: <http://kprf.ru/party-live/regnews/113970.html>.
- [7] *Иванова С.В.* О политическом проектировании и проектной деятельности в сфере политики // *Пространство и время*. — 2011. — № 1.
- [8] *Инновационная Россия — 2020: стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г.* — М., 2012.
- [9] *Ирхин Ю.В.* Долгосрочное прогнозирование и проектирование глобального общественного развития // *Вестник РГГУ. Сер. Политология*. — 2013. — № 1.
- [10] *Карпов П.Н.* Интернет как средство политической коммуникации в России: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. — 2013.
- [11] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // *Российская газета*. — 1993. — 25 декабря.
- [12] *Контурь мирового будущего: доклад Национального разведывательного совета США // Россия и мир в 2020 году*. — М., 2005.
- [13] *Кынев А.Е., Любарев А.Е.* Партии и выборы в современной России: эволюция и деволюция. — М., 2011.
- [14] *Малых А.* Краудсорсинг — лекарство от постдемократии. URL: <http://blog.witology.com/?p=1497> 02.04.2012.

- [15] *Михайлов А.Г., Блинов А.О., Шафиев Р.М.* Инновационное развитие малого предпринимательства. — М.: Дело, 2008.
- [16] *Нейсбит Дж.* Мегатренды. — М., 2003.
- [17] Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / Под ред. А.Ю. Мельвиля. — М., 2007.
- [18] Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 27 декабря 2011 г. № 560-СФ «Об утверждении изменения границы между субъектами Российской Федерации городом федерального значения Москвой и Московской областью» // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 1. — Ст. 17.
- [19] Проект // Энциклопедический словарь. URL: <http://lib.deport.ru/slovar/bes/p/proekt.html>.
- [20] Проектирование // Большая Советская Энциклопедия. — 3-е изд. — М., 1975. — Т. 20. URL: <http://bse.chemport.ru/proektirovanie.shtml>.
- [21] Резолюция Палаты депутатов партии «Справедливая Россия» в Москве [10 декабря 2012 г.] // Справедливая Россия: Официальный сайт политической партии. URL: <http://www.spravedlivo.ru/news/aneews/19879.php?highlight=%EF%E0%EB%E0%F2%E0%20%E4%E5%EF%F3%F2%E0%F2%EE%E2>.
- [22] Рекомендации по основным принципам и методам стандартизации терминологии. РМГ 19—96. — М., 1998.
- [23] Россия 2020: главные задачи развития страны / [гл. ред. Глеб Павловский]. — М., 2008.
- [24] Россия XXI века: образ желаемого завтра / ИНСОР. — М., 2010.
- [25] Россия и мир. Новая эпоха: 12 лет, которые могут все изменить / Отв. ред. и рук. авт. колл. С.А. Караганов. — М., 2008.
- [26] *Симонов К.В.* Политический анализ. — М., 2002.
- [27] Стратегический глобальный прогноз 2030: краткий вариант / Под ред. А.А. Дынкина. — М., 2011.
- [28] Федеральный закон от 06.12.1994 № 56-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 33. — Ст. 3406.
- [29] Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 29. — Ст. 2950.
- [30] Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 24. — Ст. 2253.
- [31] *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. — М., 2004.
- [32] Что такое Открытое правительство? / Официальный сайт системы «Открытое правительство». URL: <http://большоеправительство.рф/opengov>.
- [33] Corruption Perception Index 2012. Transparency International. URL: <http://cpi.transparency.org/cpi2012/results>.
- [34] Doing Business 2012. World Bank. URL: <http://russian.doingbusiness.org/data/exploreconomies/russia>.
- [35] Global Entrepreneurship Monitor (GEM). URL: http://www.gsom.spbu.ru/files/gem_28_02_web.pdf.
- [36] Global Innovation Index 2012. URL: <http://www.globalinnovationindex.org/gii/main/fullreport/files/Global%20Innovation%20Index%202012.pdf>.
- [37] Governance Matters. World Bank Policy Research, June 2012. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/governance-matters/governance-matters-info>.
- [38] *Johnson P.M.* Coup d'état // A Glossary of Political Economy Terms / Department of Political Science, 7080 Haley Center, Auburn University, Auburn, AL 36849, 1994—2005 [Web Source]. URL: http://www.auburn.edu/~johnspm/gloss/coup_d_etat.
- [39] *Luttwak E.* Coup d'état: A Practical Handbook. — Cambridge, Mass., 1979.

- [40] *Margetts H.* The Cyber Party: The Causes and Consequences of Organisational Innovation in European Political Parties // *Government on the Web*. — University of Oxford, Oxford Internet Institute [Web Source]. URL: <http://www.governmentontheweb.org/publications/30>.
- [41] *Naisbitt J.* Megatrends: Ten New Directions Transforming our Lives. — New York, 1982.
- [42] *Naisbitt J., Aburdene P.* Megatrends 2000: Ten New Directions for the 1990's. — New York, 1990.
- [43] World Economic Forum. The Global Competitiveness Index 2012—2013. URL: <http://www.weforum.org/issues/competitiveness-0/gci2012-data-platform>.

REFERENCES

- [1] Gel'man, V. Ja., Sozdavaja pravila igry: rossijskoe izbiratel'noe zakonodatel'stvo perehodnogo perioda. *Polis*, 1997, no. 4.
- [2] Demidov, O., Social'nye setevye servisy v kontekste mezhdunarodnoj nacional'noj bezopasnosti. *Indeks Bezopasnosti*, no. 4 (99), Tom 17.
- [3] Evropejskaja hartija mestnogo samoupravlenija (soversheno v Strasburge 15.10.1985). Available at: [Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii](http://www.sobranie-zakonodatelstva-rossijskoj-federacii.ru), 1998, no. 36, St. 4466.
- [4] Zakon goroda Moskvy ot 06.11.2002 no. 56 “Ob organizacii mestnogo samoupravlenija v gorode Moskve”. *Vedomosti Moskovskoj gorodskoj Dumy*, 2002, no. 12, St. 276.
- [5] Zakon goroda Moskvy ot 06.02.2013 g. no. 8 “O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakony goroda Moskvy”. *Vedomosti Moskovskoj gorodskoj Dumy*, 2013, no. 3, St. 8.
- [6] Zajavlenie Bjuro MGK KPRF o neobходимosti provedenija administrativnoj reformy v Moskve [28 dekabrya 2012 g.]. *Kommunisticheskaja partija Rossijskoj Federacii*: [Oficial'nyj sajt], Available at: <http://kprf.ru/party-live/regnews/113970.html>
- [7] Ivanova, S.V., O politicheskom proektirovanii i proektnoj dejatel'nosti v sfere politiki. *Prostranstvo i vremja*, 2011, no. 1.
- [8] Innovacionnaja Rossija — 2020: strategija innovacionnogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2020 g. Moscow, 2012.
- [9] Irhin, Ju. V., Dolgosrochnoe prognozirovanie i proektirovanie global'nogo obshhestvennogo razvitija. *Vestnik RGGU, Ser. Politologija*, 2013, no. 1.
- [10] Karpov, P.N., Internet kak sredstvo politicheskoj kommunikacii v Rossii. Avtoreferat diss. ... kand. polit. nauk, 2013.
- [11] Konstitucija Rossijskoj Federacii (prinjata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993). *Rossijskaja gazeta*, 1993, 25 dekabrya.
- [12] Kontury mirovogo budushhego: doklad Nacional'nogo razvedyvatel'nogo soveta SShA. *Rossija i mir v 2020 godu*. Moscow, 2005.
- [13] Kynev, A.E., Ljubarev, A.E., Partii i vybory v sovremennoj Rossii: jevoljucija i devoljucija. Moscow, 2011.
- [14] Malyh, A., Kraudsorsing — lekarstvo ot postdemokratii. Available at: <http://blog.witology.com/?p=1497> 02.04.2012
- [15] Mihajlov, A.G., Blinov, A.O., Shafiev, R.M., Innovacionnoe razvitie malogo predprinimatel'stva. Moscow, “Delo”, 2008.
- [16] Nejsbit, Dzh., Megatrendy. Moscow, 2003.
- [17] Politicheskij atlas sovremennosti: opyt mnogomernogo statisticheskogo analiza politicheskikh sistem sovremennyh gosudarstv. Moscow, 2007.
- [18] Postanovlenie Soveta Federacii Federal'nogo Sobranija Rossijskoj Federacii ot 27 dekabrya 2011 g. no. 560-SF “Ob utverzhenii izmenenija granicy mezhdru subektami Rossijskoj Federacii gorodom federal'nogo znachenija Moskvoy i Moskovskoj oblast'ju”. *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2012, no. 1, St. 17.

- [19] Proekt “Jenciklopedicheskij slovar”. Available at: <http://lib.deport.ru/slovar/bes/p/proekt.html>.
- [20] Proektirovanie. *Bol'shaja Sovetskaja Jenciklopedija*. 3-e izd. Moscow, 1975, Vol. 20. Available at: <http://bse.chemport.ru/proektirovanie.shtml>.
- [21] Rezoljucija Palaty deputatov partii «Spravedlivaja Rossija» v Moskve [10 dekabrja 2012 g.]. *Spravedlivaja Rossija: Oficial'nyj sajt politicheskoj partii*. Available at: <http://www.spravedlivo.ru/news/anews/19879.php?highlight=%EF%E0%EB%E0%F2%E0%20%E4%E5%EF%F3%F2%E0%F2%EE%E2>
- [22] Rekomendacii po osnovnym principam i metodam standartizacii terminologii. RMG 19—96. Moscow, 1998.
- [23] Rossiya 2020: glavnye zadachi razvitija strany. Moscow, 2008.
- [24] Rossiya XXI veka: obraz zhelaemogo zavtra. INSOR. Moscow, 2010.
- [25] Rossiya i mir. Novaja jepoha: 12 let, kotorye mogut vse izmenit'. Moscow, 2008.
- [26] Simonov, K.V., Politicheskij analiz. Moscow, 2002.
- [27] Strategicheskij global'nyj prognoz 2030: kratkij variant. Moscow, 2011.
- [28] Federal'nyj zakon ot 06.12.1994 no. 56-FZ “Ob osnovnyh garantijah izbiratel'nyh prav grazhdan Rossijskoj Federacii”. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii*, 1994, no. 33. St. 3406.
- [29] Federal'nyj zakon ot 11.07.2001 no. 95-FZ “O politicheskijh partijah”. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii*. 2001, no. 29, St. 2950.
- [30] Federal'nyj zakon ot 12.06.2002 no. 67-FZ “Ob osnovnyh garantijah izbiratel'nyh prav i prava na uchastie v referendumе grazhdan Rossijskoj Federacii”. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii*, 2002, no. 24, St. 2253.
- [31] Hantington, S., Politicheskij porjadok v menjajushhihsja obshhestvah. Moscow, 2004.
- [32] Chto takoe Otkrytoe pravitel'stvo? *Oficial'nyj sajt sistemy “Otkrytoe pravitel'stvo”*. Available at: <http://bol'shoepravitel'stvo.rf/opengov/>
- [33] Corruption Perception Index 2012. *Transparency International*, Available at: <http://cpi.transparency.org/cpi2012/results/>
- [34] Doing Business 2012. *World Bank*, Available at: <http://russian.doingbusiness.org/data/exploreconomies/russia>
- [35] Global Entrepreneurship Monitor (GEM). Available at: http://www.gsom.spbu.ru/files/gem_28_02_web.pdf
- [36] Global Innovation Index 2012. Available at: <http://www.globalinnovationindex.org/gii/main/fullreport/files/Global%20Innovation%20Index%202012.pdf>
- [37] Governance Matters. World Bank Policy Research, June 2012. Available at: <http://gtmarket.ru/ratings/governance-matters/governance-matters-info>
- [38] Johnson, P.M., Coup d'état. *A Glossary of Political Economy Terms*, Department of Political Science, 7080 Haley Center, Auburn University, Auburn, AL 36849, 1994—2005. Available at: http://www.auburn.edu/~johnspm/gloss/coup_d_etat.
- [39] Luttwak, E., Coup d'état: A Practical Handbook. Cambridge, Mass., 1979.
- [40] Margetts, H., The Cyber Party: The Causes and Consequences of Organisational Innovation in European Political Parties. *Government on the Web*. University of Oxford, Oxford Internet Institute. Available at: <http://www.governmentontheweb.org/publications/30>.
- [41] Naisbitt, J., Megatrends: Ten New Directions Transforming our Lives. New York, 1982.
- [42] Naisbitt, J., Aburdene, P., Megatrends 2000: Ten New Directions for the 1990's. New York, 1990.
- [43] World Economic Forum. The Global Competitiveness Index 2012—2013. Available at: <http://www.weforum.org/issues/competitiveness-0/gci2012-data-platform>.

**THESIS OF THE ROUND TABLE:
«POLITICAL PROJECTING IN THE SPACE
OF SOCIAL COMMUNICATIONS:
THEORY AND TECHNOLOGY»**

The Department of Theoretical and Applied Political Science
Russian State University for the Humanities
Miusskaya sq., 6, Moscow, Russia, GSP-3, 125993

The Department of Comparative Politics
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The «round table» on «Political Projecting in the Space of Social Communications: Theory and Technology» was held on April 10, 2013 at the Faculty of History, Political Science and Law of the Russian State University for the Humanities. This «round table» was organized by the Department of Theoretical and Applied Political Science of the Russian State University for the Humanities and the Department of Comparative Politics of the Peoples' Friendship University of Russia.

Key words: political projecting, political theory, political technologies, social communication.